

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 37, Is. 3, pp. 697-707, 2015
<http://bg.sutr.ru/>

UDC 94

Power and Society: the Activities of the Novorossiysk Detective Department in 1912 year

¹ Anvar M. Mamadaliev

² Svetlana V. Shevelyova

³ Margarita N. Urda

¹ International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation
Laboratory for World Civilizations
E-mail: anvarm@mail.ru

² Southwestern state University, Russian Federation
50-years of October street, 94, Kursk, Kursk region, 305040
PhD (legal), Associate Professor
E-mail: ssh46@rambler.ru

³ Southwestern state University, Russian Federation
50-years of October street, 94, Kursk, Kursk region, 305040
PhD (legal), Associate Professor
E-mail: urda.ru@rambler.ru

Abstract

The article is devoted to the study of the relationships between power structures in the face of law enforcement and society in the Black Sea province in 1912 year, through the analysis of the activities of the Novorossiysk detective department. The article studies the reports, regulations, and other documents of Novorossiysk police detective branch, on the basis of which the author talks about the General atmosphere of relationships between the authorities and society in the period. Most of used sources are published for the first time. The author comes to the conclusion that the organization of detective business in Novorossiysk was carefully planned and prepared, and rather quickly embodied in practice. Even after the recent revolutionary events (1905-1907 years) there is no written evidence that the society in 1912 was perceived by the employees of law enforcement negatively. However, the authorities are rightly feared of the iterance of public outbursts that are clearly expressed in the historical sources.

Keywords: the Black Sea province, the activities of the criminal investigation department in the pre-revolutionary period, 1912 year, Novorossiysk detective department, the relationship between the authorities and society.

Введение

Черноморская губерния была наименьшей в дореволюционной России как по площади (7346 кв. км (6455 кв. верст), так и по числу жителей (57478 чел. по переписи на 1 января 1897 г.) [1]. Административный центр располагался в г. Новороссийске, и первоначально губерния включала три округа: Новороссийский, Туапсинский, Сочинский. Население губернии, по мнению энциклопедистов-современников, «носит очень неопределенный и неустойчивый характер. Тип хозяйства еще не выработался; население, в огромном большинстве, ведет полуседлую, полубродячую жизнь; особенно это заметно в округах позднейшего заселения – Туапсинском и Сочинском. Значительная часть населения живет случайной работой изо дня в день и представляет беспокойный элемент, среди которого нередко попадаются и профессиональные преступники... Из общего числа жителей в настоящее время местных уроженцев очень немного...» [2]. Население делилось на более чем 45 народностей, большинство из которых составляли русские, но такого подавляющего их числа, как в других регионах России, здесь не было.

Что касается сыскного дела, то в России было организовано на государственном уровне в начале XX века. Закон об организации сыскной части в Российской империи был одобрен Государственным Советом и Государственной Думой и утвержден 6 июля 1908 г. императором Николаем II. Черноморский губернатор, в свою очередь, направил на имя городского Головы распоряжение, где сообщалось о необходимости учреждения в городе сыскного отделения и указывался его штат. Отделение было отнесено к 3-ему разряду и организовывалось при городском полицейском управлении.

В данной статье, на основе анализа архивных источников, попробуем исследовать некоторые характерные особенности деятельности сыскного отделения в административной столице Черноморской губернии – г. Новороссийске, что поможет, на наш взгляд, лучше понять сущность взаимоотношений властных структур и широкой общественности.

В современной историко-правовой науке исследованию общеуголовной полиции дореволюционного периода уделяется все больше внимания. Однако региональная специфика прослеживается далеко не всегда: до сих пор нет фундаментальных исследований, касающихся деятельности уголовного розыска на Черноморской губернии, что создает благоприятную почву для разработки данной проблемы. Также отсутствуют какие-либо исследования, анализирующие взаимосвязь влияния деятельности органов внутренних дел на взаимоотношение власти и общества в "межреволюционный" период (1907-1916 гг.). Нельзя не отметить и того факта, что масштаб революционных проявлений и их негативные последствия всецело зависели от действий местной администрации: несмотря на значительное количество полицейских сил, в некоторых округах мятежниками был причинен значительный урон. В частности, наиболее ярким примером бездарного руководства стали действия (точнее – бездействия) администрации г. Сочи; подобная позиция, в конечном счете, привела к дискредитации власти и созданию благоприятной почвы для зарождения оппозиционных настроений [3]. Вышесказанное определяет актуальность темы нашего исследования.

Материалы и методы

Основным источником в нашей работе стали документы архивного отдела администрации города Новороссийск (Фонд № 45 "Новороссийское сыскное отделение" 1911–1916 гг.), значительная часть из которых вводится в научный оборот впервые. Помимо этого в работе были использованы монографии и материалы периодической печати.

При написании статьи применялись такие общенаучные методы как методы анализа и синтеза, конкретизации, обобщения. В работе использован историко-ситуационный метод, который предполагает изучение исторических фактов в контексте изучаемой эпохи в совокупности с другими событиями и фактами. Особенно этот метод отражен при сопоставлении деятельности сыскного отделения и атмосферы взаимоотношений органов власти и широкой общественности.

Обсуждение

В советской и постсоветской юридической и исторической науках сыскному делу в дореволюционной России, в том числе и в Черноморской губернии, посвящен целый пласт обобщающих фундаментальных трудов, таких авторов как Д.И. Шинджикашвили [4], К.Г. Федоров, А.Н. Ярмыш [5], В. Полубинский [6], Т.И. Желудкова [7], В.А. Шелкопляс [8], Е.В. Анисимов [9], З.И. Перегудова [10], Б.Д. Герасименко [11] и другие, более поздние исследования. Огромный вклад в разработку проблемы внесли Р.С. Мулукаев [12-14], М.И. Сижков, А.В. Борисов, А.Е. Скрипилев [15-16], Ф.М. Лурье [17-18]. Особый интерес, на наш взгляд, представляет исследование, выполненное коллективом кубанских ученых под руководством В.Н. Ратушняка – «Очерки истории органов внутренних дел Кубани (1793–1917 гг.)» [19]. В ней впервые в отечественной науке показываются зарождение и развитие органов внутренних дел на Кубани – в одном из наиболее своеобразных регионов России. Деятельность подразделений МВД (уголовной, политической, железнодорожной и торговой полиции, а также пожарной охраны и пенитенциарной системы) раскрывается на обширном архивном материале.

Проблемой революционного движения и исследованием других социальных процессов на Черноморье в начале XX века занимались такие историки, как Н.Л. Янчевский [20-21], П.В. Семерин [22-23], В.А. Скибицкий [24-25], А.О. Тулумджян [26], Л.А. Карапетян [27], А.А. Черкасов [28-29], И.А. Тверитинов [30], К.В. Таран [31-34], Л.Г. Полякова [35] и др.

Вместе с тем, как уже было сказано выше, деятельность органов внутренних дел не рассматривалась другими исследователями через призму взаимоотношений власти и широкой общественности, что, на наш взгляд, представляется весьма важным, так как корни многих революционно-бунтовщических тенденций зачастую лежат именно в данной плоскости.

Результаты

Как известно, сыскным делом занимались две структурные единицы МВД – общая (уголовная) и жандармская (политическая) полиции; отличительной особенностью этих структур (в особенности жандармерии) было то, что кандидатуры сотрудников подвергались тщательнейшей проверке. К примеру, даже выдержав предварительные экзамены при штабе корпуса в Петербурге, офицер не

направлялся на жандармские курсы: он должен был вернуться в свою воинскую часть и ожидать вызова, иногда до двух лет. А в это время местная жандармерия собирала о кандидате наиболее подробные сведения. Политическая благонадежность и денежное состояние подвергались наибольшей проверке. В корпус не зачислялись офицеры, зависящие от кого-либо в материальном отношении.

В своих рапортах на имя новороссийского полицмейстера начальник розыска подробно описывал происхождение каждого нового сотрудника, даже нештатного. Одним из первых критериев было происхождение чиновника и размер получаемого жалования; это позволяет понять те акценты, которые расставляла правоохранительная власть в отношении своих сотрудников. Очевидно, полицмейстер г. Новороссийск мог делать соответствующие корректировки и замечания относительно каждого сотрудника, благо розыскной контингент был немногочисленным. Считаем уместным привести пример одного из рапортов начальника новороссийского сыскного отделения Богуславского, служившего в нем до марта 1912 г., на имя полицмейстера города (датирован 3 февраля 1912 г.; пунктуация документа сохранена): "Довожу Вашему Высокоблагородию, что при сыскном отделении, кроме штатных служащих, состоят на службе следующие лица: 1-й. Потомственный дворянин – отставной канцелярский служитель, Иван Данилович Коломиец 28 лет с 23 января сего года служит письмоводителем при канцелярии сыскного отделения на жаловании 25/2 в месяц, служивший 4 года в Екатеринодарском Окружном Суде и последнее время в Бакинском Окружном Суде, заведуя отдельным столом, куда мной о его службе и поведении послан запрос. 2. Городовой Уфимского сыскного отделения Зотов с 1 января с.г. на жаловании 30 р. в месяц, занимающийся уходом и дрессировкой собак при сыскном отделении. 3. Николай Щербина с 29 декабря 1911 года на жаловании 25 р. в месяц, по собиранию агентурных сведений по делу уголовного сыска и 4, жена городского сыскного отделения Симоненко, Анастасия Симоненко с 1 сего февраля на жаловании 8 р. в месяц для уборки помещения, топки печей и обыска арестованных женщин. За исключением Щербины, который живет на частной квартире, все поименованные лица живут и ночуют в казарме и на кухне при сыскном отделении" [36].

Таким образом, мы делаем вполне логичный вывод – власть пыталась опираться на наиболее достойных и преданных своему делу кадров, и качество отбора этих кадров был весьма достойным.

Как известно, каждый отдел и уголовной, и политической полиции в обязательном порядке вел отчетную документацию о своей деятельности. Количество и характер противоправных деяний, а также процент их раскрываемости косвенно позволяет судить о степени социальной напряженности. Этот критерий представляется необходимым для полноценного исследования взаимоотношений властных структур и широкой общественности. Применительно к Черноморской губернии в качестве иллюстрации можно привести ведомости о деятельности Новороссийского сыскного отделения начала 1912 года. Отметим, что ведомости сыскных отделов подразумевали обширную таблицу. Содержание столбцов включало: 1) классификацию видов преступлений ("Преступления, на предупреждение, пресечение и расследование которых обращалось особое внимание циркулярными распоряжениями Министерства (*внутренних дел – прим. авт.*) или местного Начальства"); 2) количество поданных заявлений в отдел по данным преступлениям за месяц ("Общее число заявлений или сообщений"); 3) количество раскрытых особо важных преступлений ("Из них раскрыто"); 4) другие, менее "важные" преступления, на которых вышеназванные циркуляры упор не делали ("Прочие преступления") [37].

Здесь целесообразно указать, что не только отчеты, но и вся служебная документация, такая как рапорта, заявления, письма и т.п. выполнялась исключительно на "фирменных" бланках Новороссийского сыскного отделения – печать (оттиск) с реквизитами службы ставилась в верхнем левом углу листа и имела следующее содержание: "М.В.Д. Новороссийское сыскное отделение. № _____ (место для даты), Гор. Новороссийск, Черноморск. губ".

Говоря об "особых" преступлениях, следует отметить, что их состав данных правонарушений периодически изменялся в зависимости от экономической и внутривластной конъюнктуры. Это также характеризует степень и показывает гибкость властного отношения к обществу. Применительно к началу 1912 года (весьма спокойный период, в сравнении с первым десятилетием XX века и второй половины 2-го десятилетия) циркулярами обращалось особое внимание на следующие преступления (содержатся в строках указанной ведомости): 1) "разбойные нападения на почту, казначейства, банки, казенные винные лавки, "экспроприации" частных лиц"; 2) "поджоги и грабежи церквей, монастырей, имений и хуторов"; 3) "подделки": а) (синтактика оригинала сохранена) "металлических и бумажных денег, купонов и % бумаг, марок, гербовых и вексельных бланков", б) "аттестатов, документов о личности и т.п."; 4) "о преступных организациях, содействующих уклонению от воинской повинности"; 5) "коно- и скотокрадство"; 6) "торговля живым товаром"; 7) "железнодорожные кражи (грузов, багажа и железнодорожного имущества)"; 8) "похищение оружия и казенного имущества военного и морского ведомств" [38].

К разряду "прочих преступлений" в ведомости относились следующие: 1) кражи: а) "простых до 300 р.", б) "простых свыше 300 р.", в) "со взломом"; 2) "убийства": а) "убийства", б) "покушения на убийства"; 3) "грабежи": а) "вооруженные", б) "простые"; 4) "мошенничества, подлоги и вымогательства; 5) "поджоги"; 6) "растраты"; 7) "другие преступления" (отметим, что данная

категория преступлений самая многочисленная; источник не уточняет их классификацию, но по отдельным выдержкам из рапортов сотрудников полиции можно сделать вывод, что это в основном контрабанда, преступления против здоровья (причинение вреда здоровью, в том числе и при хулиганских действиях), половой неприкосновенности, чести и достоинства личности).

В ведомости не фигурируют политические преступления, которыми всецело занималось другое подразделение – политическая полиция (жандармерия).

На заполнение ведомости в целом тратилось около 3-х дней: датой выполнения данного отчета начальником отделения Богуславским значится 4-е число следующего месяца.

Оборотная сторона ведомости содержит столбцы, фиксирующие пол правонарушителя, а также "случаи розысков и задержания особенно опасных или выдающихся преступников" с подграфами: а) "кто и по какому делу задержан?" и б) "кем розыскан и задержан?". Строки данного листа закрепляют (сохранена пунктуация оригинала) "общее число лиц подвергнутых личному задержанию по постановлению сыскного отделения", "общее число зарегистрированных преступников", "количество снятых фотографий", "сколько обнаружено рецидивистов", "случаи установки личности скрывающих свое звание (бродяг и "нелегальных)". Отдельными строками фиксируются "случаи удачного применения к розыску преступников дактилоскопических оттисков, равно исследования следов и других усовершенствованных приемов", а также "производство розысков по делам вне места нахождения сыскного отделения". Отдельной строкой предусматривается экономическая отчетность по деятельности сыскного отделения за текущий месяц: "за отчетный период произведено расходов из сыскных сумм" ("руб./коп."), "общее число заявлений и дел по розыскам и расследованию преступлений, принятых к производству", "число неоконченных дознаний", "обнаруженная сумма из похищенных денег или имущества" ("руб./коп.") [39].

И, наконец, последняя таблица ведомости озаглавлена как "Краткий перечень раскрытых особо выдающихся преступлений", столбцы которой предусматривают: 1) фиксацию даты начала розыска; 2) краткий перечень оперативно-следственных действий ("в чем заключались розыски или дознания"); 3) дату окончания розыска и передачи дела по подсудности; 4) ФИО должностного лица, проводившего розыск и дознание [40]. Ведомость, освещающая период с 1 января по 1 февраля 1912 г., содержит в данной таблице запись о раскрытии такого преступления: указаны пять преступников, задержанных за кражу со взломом. Лицом, проводившем розыск и задержание значится нач. отделения Богуславский (видимо, речь идет об организации и, возможно, непосредственном участии при задержании). За отчетный период потрачено 100 руб. казенных денег, рассмотрено и принято к производству 24 заявления, 286 руб. из ранее похищенных денег обнаружено [41].

Аналогичная ведомость за период с 1 февраля по 1 марта 1912 г. содержит записи также о семи "особо опасных" преступниках, но среди которых, два вора-рецидивиста и четыре правонарушителя, действовавших по "подложному паспорту". Лицом, проводившем розыск и задержание, значится и.д. начотделения Черныш, сменивший Богуславского. За отчетный период потрачено 150 руб. казенных денег, рассмотрено и принято к производству 23 заявления, 208 руб. из ранее похищенных денег обнаружено [42].

Согласно ведомостям большую часть задержанных лиц составляют мужчины – 97 %; процент мужчин среди выявленных преступников также подавляющий – 87,5 % [43].

Общее же количество задержанных в январе-феврале 1912 г. – 32; выявленных преступников – 24; количество обнаруженных рецидивистов – 6; случаев установления личности – 5; количество отснятых фотографий – 27 [44].

Статистические данные ведомости позволяют понять некоторые важные моменты, имеющие значение для изучения атмосферы взаимодействия властей и широкой общественности, а именно – уровень раскрываемости, количество, "качество" и виды совершенных преступлений.

В январе 1912 г. согласно ведомости было совершено 24 преступления (21 из раскрыто), из которых предусмотренных циркулярами как "особо важное" только одно – "коно и скотокрадство" (раскрыто). Среди прочих: краж до 300 р. – 8 (раскрыто 6), со взломом – 2 (обе раскрыты), убийств – 1 (нераскрыто), растраты – 1 (раскрыто), "другие преступления" – 11 (все раскрыты).

К слову сказать, уровень раскрываемости в 87,5% следует признать исключительно высоким. Например, в современной России он составляет в среднем около 55 %. За рубежом (в развитых странах) процент раскрываемости ниже – в среднем около 50 %; правда и количество невиновно осужденных меньше в десятки раз... И уж совсем неправдоподобной представляется советская милицеевская статистика, где процент раскрываемости смело переваливает за 80; в таких условиях даже слово "очковтирательство" начинает приобретать буквальный смысл... [45-47].

Как видим, местная власть особо выделяла экономические преступления, подделку документов, мошенничество, хищения и т.п., при этом к "прочим" относя даже такие особо тяжкие (по современной терминологии) преступления как убийства. Надо полагать, что простые убийства (вновь выражаясь терминологией современного уголовного права) были весьма редким (скорее даже исключительным) явлениям, в то время как убийства, совершенные при хищениях (например, при разбое), случались гораздо чаще.

Между тем, в январе-феврале 1912 г. "особых" преступлений было "значительное меньшинство" – либо устарели циркуляры, либо поменялась социальная ситуация; возможность того, что конокрадство и другие иже с ним "особо" выделенные правонарушения представлялись властью более опасными для режима нежели "прочие" преступления, к каковым отнесено и убийство, нами не рассматривалась... Видимо, местной администрацией в значительной (правильно было бы сказать – излишней) степени учитывался "кавказский" элемент со свойственной применительно к кавказским территориям "хищенческой традицией"; косвенно это может подтверждать очень высокий процент пойманных рецидивистов, своего рода "профессиональных" преступников, действовавших в регионе. Как бы ни было, но статистика 1912 года, похоже, упорно опровергает актуальность предлагаемых властью циркуляров. Вместе с тем, нельзя не отметить качественной работы сотрудников отделения (особенно с учетом их малочисленности) – от количества обезвреженных правонарушителей до количества и степени тяжести раскрытых преступлений. Можно сказать, что усилия власти по подбору кадров и их материальному обеспечению всецело оправдываются; общество также только выигрывает от такого положения дел, ибо органы обеспечивают так нужное людям (особенно после недавних революционных потрясений!) спокойствие.

Отметим, что даже в условиях жесткой малочисленности полицейского контингента, по новым лицам, приехавшим в г. Новороссийск, инкогнито наводились справки с прежнего места проживания. Подтверждением могут служить письма временно исполняющего обязанности начальника Новороссийского сыскного отделения Михаила Черныша. В качестве примера приведем содержание одного из них (датирован 30 мая 1912 г.; пунктуация источника сохранена): "Секретно. Г. Начальнику Керченского Сыскного Отделения. Прилагая при сем фотографическую карточку мещанина г. Керчи, Ефима Константиновича Михилевича 25 лет, прошу Ваше Высокоблагородие о наведении справок негласным путем и сообщений мне подробных сведений о личности и судимости Михилевича. То ли лицо Михилевич, за которое себя выдает и какое он в числе мещан г. Керчи занимает положение. Родные Михилевича проживают по Садовой улице. Вр. и.д. Начальника Отделения М.Черныш." [48] Можно предположить, что правоохранительные органы весьма неспокойной в свое время Черноморской губернии к новым молодым переселенцам мужского пола априори относились как к "возможно неблагонадежным"; "зубатовские" [49] технологии сбора информации работали в полную силу. Очевидно, сказывались как недавние революционные события, так и усиление охранительных тенденций правящего режима. К тому же, многие разночинцы вполне могли рассматриваться властью (а именно – полицией) как возможные агенты. Причем, в случае с Михилевичем именно так и произошло, так как встречаем другой документ, датированный пятью месяцами позже (24 ноября 1912 г.; пунктуация оригинала сохранена): "Всем должностным лицам Российской империи. Предъявитель сего есть действительно агент Новороссийского сыскного отделения Ефим Михилевич, 25 лет, командированный по делам службы, в селение Армавир и прочие станицы Кубанской области которому и прошу оказывать полное законное содействие, при исполнении Михилевичем долго службы, в том подписью и приложением казенной печати свидетельствую. – Начальник сыскного отделения, титулярный советник (*подпись*). (Далее от руки *подпись самого агента*). Удостоверение получил. Михилевич" [50]. Как видим, "новый житель" Новороссийска, после получения в начале июня 1912 г. положительной характеристики от керченской полиции, менее чем через полгода был завербован новороссийским сыскным отделением для работы на территории всей Кубани.

Любопытен еще один не первостепенной важности документ, который, впрочем, косвенно поможет судить об уровне ответственности в различных властных структурах – докладная записка о ходатайствовании изменения гражданского состояния служащего (орфография и пунктуация оригинала сохранена): "Его Высокоблагородию, Господину Начальнику Новороссийского Сыскного Отделения... Докладная записка. 23-го Декабря 1911 года, моя законная жена Анна Ивановна Евланова скончалась в Сухумской Городской Больнице от воспаления брюшины, а 26-го того же месяца была погребена причтом Сухумского Кафедрального собора на Сухумском православно кладбище. Ввиду того что смерть жены была для меня ударом, что я даже не взял метрику о смерти и погребении жены, теперь же я послал несколько писем с просьбой к указанному причту о высылке мне таковой метрики но не получаю ни какого ответа между тем я в паспорте значусь женатым вследствие чего может быть для меня не приятный инцидент почему я имею честь покорнейше просить ВАШЕ ВЫСОКОБЛАГОРОДИЕ исходатайствовать от означенного причта метрику о смерти моей жены Анны Евлановой урожденной Покровской. Проситель Александр Евланов (*подпись*). Марта 14 дня 1912 года. г. Новороссийск" [51]. На обратной стороне пометка от руки "В.Срочно" и резюме начотделения: "Препровождая настоящую докладную записку вместе с паспортной книжкой № 47 н. Причту Сухумского Кафедрального Собора, прошу сделать отметку в означенном паспорте о погребении жены просителя Александра Евланова – Анны Евлановой. Исполнением прошу поспешить. Марта 31 дня 1912 года. Вр.и.д. Начальника Новороссийского Сыскного Отделения М.Черныш" [52]. Далее на этом же листе от руки пометка настоятеля Собора: "Настоящая переписка по исполнению препровождается Вр.и.д. Начальника Новороссийского Сыскного Отделения для выдачи паспортной книжки по принадлежности. "5" апреля 1912 г. № 159." Через два дня документ пришел в Новороссийск, где поставлен номер и дата 7 апреля 1912 г. И 9 апреля 1912 г. просителем Евлановым сделана отметка об удовлетворении ходатайства. Какие косвенные сведения мы можем

почерпнуть из этой переписки? Прежде всего, отметим жесткую ответственность сотрудников правоохранительных органов, которые ходатайствуют и докладывают даже об изменившемся семейном положении. Также отметим и наличие той ситуации, которую в современной России называют "телефонным правом": пока не вмешался высокопоставленный чиновник, справку мелкому чиновнику, полагающуюся ему закону, не выдавали продолжительное время. Ну и нельзя не заметить продолжительную волокиту даже в пределах одного ведомства – только через 17 дней после получения прошения о ходатайстве, начотделения написал таковое. Общество, – и чиновники, и широкая общественность, – прекрасно чувствовало (равно как и сегодня) "удельный вес" каждого представителя, что выражалось в соответствующем поведении должностного лица в отношении просителя (например, исполнение в сжатые сроки, положительное решение вопроса и пр.); не будет преувеличением сказать, что имеющийся у гражданина статус в иерархической системе управления государством в дореволюционной России, решающим образом влиял на исход дела. Такая ситуация только обостряла властно-общественные противоречия. Не случайно, что в революционных требованиях/пропаганде лозунг "всеобщее равноправие" был одним из ключевых.

Говоря о дисциплине сотрудников охраны правопорядка, нельзя не привести еще один документ – рапорт начальника сысского отделения от 4 февраля городскому полицмейстеру (пунктуация источника сохранена):

«3 сего февраля вечером для розыска убийц Шабазы Юсуп-оглы на Мефодиевский подселок мною были посланы городской сысского отделения Михаил Ваяно и частный агент Николай Щербина. Утром 4 сего февраля мною дознано, что Ваяно и Щербина, будучи не в трезвом виде, после 12 часов ночи открыли стрельбу на улице близ деревни Мефодиевки и произвели три выстрела, после чего были арестованы стражниками ст. Новороссийск и доставлены к дежурному жандарму на вокзале, где по выяснению их личности были освобождены.

При опросе Ваяно и Щербина доложили мне, что около 1 часу ночи на сие число они проходили по полотну железнодорожной ветки вблизи деревни Мефодиевки, монастырь "Чеховка" и им на встречу попались какие-то молодые парни в числе 5 человек, у некоторых из них в руках были палки и стали кричать Щербине и Ваяно "Стой, руки вверх". После чего Ваяно произвел вверх три выстрела и неизвестные разбежались, а прибывшие на выстрелы стражники их арестовали. По справке дежурного по станции жандарма Маширного стражники, арестовавшие Ваяно и Щербину не видели тех лиц, в которых стрелял Ваяно, хотя к месту выстрелов подоспели сейчас же.

В виду заявления городского Симиненко, что Ваяно и Щербина явились со службы ночью в сысское отделение в пьяном виде и что стрелять они могли также без всякой для этого причины, прошу Вашего Высокоблагородия об увольнении от службы Ваяно и Щербину. Вр.и.д. Начальника Отделения Богуславский» [53].

Источник прекрасно иллюстрирует уровень ответственности и дисциплины – одного правонарушения оказалось достаточно для увольнения сотрудника. Вполне возможно, что "бумеранг прилетел" и самому начальнику отделения, который вынужден был оставить должность менее, чем через месяц, но документального подтверждения этому мы не нашли.

При передаче должности традиционно делался полный список принадлежащего отделению имущества с указанием количества и стоимости каждого из предметов и называвшийся ведомостью. В частности, документ, подписанный 29 февраля 1912 г. сдающим должность Богуславским, и вступающим во временное ее исполнение Чернышем, фиксирует 86 наименований служебных предметов и занимает четыре листа [54].

У начотделения имелся свой счет для разнородного расхода по служебной деятельности. Счет этот утверждал полицмейстер города, а само его оформление следует признать весьма солидным – в него ежемесячно вносились абсолютно все, даже самые незначительные расходы с подробным описанием и подтверждением распиской получателя по каждому из них [55]. Все израсходованные сверх нормы, но по служебной необходимости суммы казной выплачивались при составлении соответствующего рапорта; например: "Господину Новороссийскому Полицейстеру. Рапорт. По делу убийства и покушения на ограбление Геленджикского цементного завода на розыск преступников за чертой города Новороссийска израсходовано мною двадцать восемь рублей 50 коп. Прошу возместить указанную сумму. Вр.и.д. Начальника Отделения М.Черныш" [56].

Власть в лице Черноморского губернатора порой могла делать сверхсрочные и секретные запросы в правоохранительные ведомства для уточнения необходимой информации о сотрудниках (а именно: семейное положение, возраст, классный чин): "Копия секретного экстренного предписания Черноморского губернатора, от 21 июня 1912 года за № 996 Новороссийскому Полицейстеру. Предлагаю Вашему Высокоблагородию экстренно составить и представить мне именные списки лиц, состоящих на службе правительственной или по вольному найму во вверенной Вам полиции, а равно их семейств, по форме (ведомость № 4) приложенной к предписанию от 29 сентября 1909 г. за № 1209, а также согласно указаний, данных в этом предложении" [57].

В результате данного запроса мы имеем сведенный в таблицу и весьма оперативно составленный "Список служащих в Новороссийском сысском агентстве, с перечислением всех членов семьи в отдельности за каждого. Составлен 22 июня 1912 г." Данный список, к слову, всецело подтверждает относительную малочисленность персонала сысского отделения. В соответствующих

столбцах документа указывается класс должности и возраст (причем не только сотрудника, но и членов его семьи); также резервируется место для "примечаний". Какие же сотрудники и штатные должности имелись в отделении уголовного розыска г. Новороссийск? Перечислим (в скобках укажем возраст). "Вр.И.д. Начальника отделения 1. Черныш Михаил Трафимович, класс должности 8 (41), жена Мария (41), дети Лукия (15), Анна (8). НАДЗИРАТЕЛИ: 2. Богуславский Куприян Осипович, класс должности 14 (34), жена Мария (28); 3. Агафонов Петр Михайлович, класс должности 14 (30), жена Зинаида (29), дети Наталия (12); 4. Маркевич Григорий Исидорович, класс должности 14 (40), жена Ксения (40), дети Василий (14), Петр (12), Мария (10), Ольга (5). ПЕРЕВОДЧИК (начиная с этой должности и ниже класс должности отсутствует – прим. авт.; в скобках указан возраст). 5. Рамфопуло Галий Георгиевич (26), жена София (24). ГОРОВОДОВЫЕ. 6. Симоненко Филипп Ефимович (42), жена Анастасия (43). 7. Ковалев Никита Петрович (36), жена Евдокия (29), сын Василий (4). 8. Надточаев Фома Филиппович (26), холост. 9. Черкасов Константин Васильевич (29), холост. ВОЛЬНОНАЕМНЫЕ. СПЕЦИАЛЬНО ПО СЫСКУ. 10. Радивиль Константин Саввельевич (26), жена Александра (24). 11. Михилевич Ефим Константинович (25), холост. ПО КАНЦЕЛЯРИИ ОТДЕЛЕНИЯ. Коломиец Иван Данилович (29), женат (жена при нем не живет)" [58].

Как видно из приведенных данных, "единый образ" сотрудника "черноморского угрозыска" определить сложно. Вместе с тем можно выделить некоторые общие черты так называемого портрета, а также его потенциальные позитивные и негативные черты с точки зрения возможностей оптимизации общественно-властных отношений. Начальнику отделения 41 год, средний возраст 35 лет, городских – 33 года, вольнонаемных – 25 лет, всего по отделению средний возраст составлял 33 года, 3/4 из которых женаты, многие имеют детей; т.е. все работники отделения были молодого и среднего возраста, получали неплохую зарплату, большинство из них семейные, с детьми, штат за неполные четыре года возрос на треть. Детей семьи заводили либо слишком рано (мужчины с 18 лет), либо поздно по тогдашним меркам (после 28-30); многодетных семей у работников сыска было очень мало (из 12 только одна). Семейственность, безусловно, положительно влияла на восприятие обществом сотрудника сыска. Традиционно указывается класс должности, т.е. статус в социальной иерархии. Национальный состав также подбирался, видимо, не случайно: большинство служащих составляли русские (хотя ни в одной графе про национальность не сказано ни слова!); прочие национальности (на примере Новороссийского отделения – украинцы, евреи, грек) составляли меньшинство. Как влияла национальная особенность органов внутренних дел на взаимоотношение власти и общества сказать сложно; предполагаем, что положительно, так как приоритет родственных связей при трудоустройстве, равно как и последующее сокрытие правонарушения, совершенного родственником на службе, в расчет не брался.

Выводы

Завершая отметим, что правоохранительные органы являются тем острием копья, которое оказывается на первой линии соприкосновения интересов властных структур и общества. Это справедливо не только для "неспокойных" времен в государстве, когда имеет место открытое противостояние правоохранителей, олицетворяющих власть, с представителями других социальных групп, но и в "мирное" время, так как основная задача сотрудников внутренних органов – пресекать правонарушения в обществе. И насколько безупречен в целом портрет данного сотрудника, настолько обществом ассоциируется "положительность" власти; в сущности, рядовой член общества ставит простой вопрос – "враг" ему полицеймейстер или "друг". Чем ближе к первому, тем больше нервозность (точнее даже сказать – взрывоопасность) в обществе и уровень недоверия к власти; вполне закономерно, что выше и уровень преступности, что в полной мере подтверждают современные диктаторские режимы. И наоборот – если служащий правопорядка ассоциируется позитивно, это снимает многие напряжения в обществе, так как прощаются эпизодические допущенные ошибки со стороны работников органов внутренних дел и причиной этих ошибок общество считает непрофессионализм, а не целенаправленный противозаконный умысел (например, в виде коррупции).

Исследование архивных документов, касающихся организации сыска в г. Новороссийске в дореволюционный период, позволяет сделать выводы о том, что данная деятельность была тщательно спланирована и подготовлена, а также достаточно оперативно воплощена в практику. Даже после недавних революционных событий (1905–1907 гг.) нет письменных свидетельств о том, что общество в 1912 г. воспринимало сотрудников охраны правопорядка негативно. Вместе с тем, власть вполне обоснованно опасалась повторения общественных всплесков, что вполне отчетливо выражается в исторических источниках.

Примечания:

1. Справочник и путеводитель по Черноморской губернии. – Новороссийск, 1907. С. 233.
2. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Указ. соч. // <http://www.vehi.net/brokgauz/>.
3. Taran, K.V. The Public-Political Movement in the Black Sea Governorate during the First Russian Revolution (1905-1907): Monograph. Banská Bystrica: Matej Bel University, 2014.

4. Шинджикашвили Д.И. Сыскная полиция царской России в период империализма. Омск. 1973.
5. Федоров К.Г., Ярмыш А.Н. История полиции дореволюционной России. Ростов-на-Дону, 1976.
6. Мулукаев Р., Полубинский В. Сказ о сыске // Советская милиция. 1990. № 1-12.
7. Желудкова Т.И. Основные направления для деятельности полиции дореволюционной России по охране феодального и буржуазного общественного порядка. М., 1977.
8. Шелкопляс В.А. Полицейская реформа в России в 60-х годах XIX века. Минск, 1981.
9. Анисимов Е.В. Дыба и кнут. М., 2000.
10. Перегудова З.И. Политический сыск в России. 1880-1917 гг. М., 2000.
11. Герасименко Б.Д. Очерки истории Новороссийска. Новороссийск, 2001.
12. Мулукаев Р.С. История полиции дореволюционной России. М., 1981.
13. Мулукаев Р.С. Система органов внутренних дел дореволюционной России. М., 1978.
14. Мулукаев Р.С. Полиция в России (IX – нач. XX вв). Нижний Новгород. 1993.
15. Сижков М.И., Борисов А.В., Скрипилев А.Е. История полиции России. М., 1992.
16. Сижков М.И., Борисов А.В., Скрипилев А.Е. Из истории подготовки и воспитания кадров полиции в дореволюционной России. Новгород, 1993.
17. Лурье Ф.М. Полицейские и провокаторы. М., 2001.
18. Лурье Ф.М. Полиция и милиция России: страницы истории. М., 1995.
19. Очерки истории органов внутренних дел Кубани (1793-1917 гг.) / Под ред. проф. В.Н. Ратушняка. Краснодар, 2002.
20. Янчевский Н.Л. Новороссийская и Сочинская республики в 1905 году. Ростов н/Д., 1926.
21. Янчевский Н.Л. Пятый год на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 1930.
22. Семерин П.В. 1905 год на Северном Кавказе в исторической литературе. История пролетариата. 1934. № 1.
23. Семерин П.В. Рабочий класс в революции 1905-1907 гг. в Азово-Черноморском и Северо-Кавказских краях. Ростов н/Д., 1935.
24. Скибицкий В.А. Героические годы: Очерк о революционном движении в Черноморской губернии в годы первой русской революции 1905-1907 гг. Краснодар, 1956.
25. Скибицкий В.А. Торжество ленинской практики: Большевики Кубани и Черноморья в борьбе за ленинскую тактику в первой русской революции. Краснодар, 1969.
26. Тулумджян А.О. Из истории революционного движения в Сочинском округе 1905-1907 годах. Сухуми, 1958.
27. Карапетян Л.А. Пролетариат и средние слои населения Черноморской губернии в период революции 1905-1907 гг. Ростов н/Д., 1990.
28. Cherkasov A.A., Menkovsky V.I., Ivantsov V.G., Ryabtsev A.A., Molchanova V.S., Natolochnaya O.V. The north black sea region (the 18 th-19 th centuries): a historiographical survey. *Былые годы. Российский исторический журнал*. 2014. № 4 (34). С. 536-540.
29. Очерки истории Большого Сочи / Под общ. ред. В.Е. Щетнева. В 4-х т. Т. 1: 1838–1922 гг. Сочи, 2006.
30. Очерки истории Большого Сочи / Под общ. ред. В.Е. Щетнева. В 4-х т. Т. 1: 1838–1922 гг. Сочи, 2006.
31. Таран К.В. О причинах участия сельских жителей Сочинского округа Черноморской губернии в революционном движении 1905 г. *Былые годы. Черноморский исторический журнал*. 2006. №1. С.21-22.
32. Таран К.В. Крестьянство Черноморской губернии в начальный период революции 1905-1907 гг. *История и историки в контексте времени*. 2006. № 4. 2006.
33. Taran K.V. Sources related to the social-political movement in the territory of the black sea governorate in 1905-1907 (based on materials from the archive repositories of the Russian Federation). *European researcher*. 2014. № 10-1 (84). pp. 1747-1751.
34. Taran, K.V. (2014) The everyday life of the mounted police guard force in the territory of the Black Sea Governorate (1901-1909) *Bylye Gody*. (4), 34: 582-585.
35. Polyakova L.G. Reasons behind the asocial conduct of residents of the black sea governorate during world war I. *Journal of International Network Center for Fundamental and Applied Research*. 2014. № 1 (1). С. 33-41.
36. Архивный отдел администрации города Новороссийск (АОАГН). Ф.45. Оп.1. Д.2. Л.20, л.20-об, л.21.
37. АОАГН. Ф.45. Оп.1. Д.2. Л.35.
38. АОАГН. Ф.45. Оп.1. Д.2. Л.18.
39. АОАГН. Ф.45. Оп.1. Д.2. Л.35-об.
40. АОАГН. Ф.45. Оп.1. Д.2. Л.19.
41. АОАГН. Ф.45. Оп.1. Д.2. Л.18-об.
42. АОАГН. Ф.45. Оп.1. Д.2. Л.35-об.
43. АОАГН. Ф.45. Оп.1. Д.2. Л.18-об.
44. АОАГН. Ф.45. Оп.1. Д.2. Л.35-об.

45. <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0549/barom01.php>
 46. <http://cyclowiki.org/wiki/>
 47. http://www.police-mvd.ru/index.php?catid=1:latest-news&id=103:2012-01-27-03-09-18&Itemid=50&option=com_content&view=article
 48. АОАГН. Ф.45. Оп.1. Д.2. Л.69.
 49. "Зубатовщина" (по фамилии Сергея Васильевича Зубатова (1864-1917), виднейшего полицейского администратора-новатора Российской империи) – укоренившееся в весьма заидеологизированной советской историографии понятие, обозначающее не только создание в начале XX века системы легальных (и подконтрольных Департаменту полиции!) рабочих организаций, но и внедрение в конце XIX века и последующую практику инновационных для отечественной правоохранительной системы того времени технологий и методик, включавших создание разветвленной агентурной сети, формирование обширных баз данных (картотек) с подробным описанием примет (причем не только преступников, но и так называемых "ненадежных" людей), конспирирование и защиту агентов и мн.др. Новая схема работы полиции оказалась настолько эффективной (в эту схему были включены и "зубатовские" рабочие партии), что в среде революционеров зародилось глухая неприязнь к личности С.В.Зубатова. Эту "неприязнь" постарались "сохранить" советские журналисты, а вслед за ними и историки, придав указанному комплексу защитных по своей сути мер негативный оттенок и совершенно не взирая на то, что правоохранительные органы и госбезопасность СССР всецело использовали те же самые технологии. На новом техническом уровне, но основываясь на прежних, "зубатовских" фундаментальных принципах, они столь же эффективно работают и в современной России.
 50. АОАГН. Ф.45. Оп.1. Д.2. Л.162.
 51. АОАГН. Ф.45. Оп.1. Д.2. Л.47.
 52. АОАГН. Ф.45. Оп.1. Д.2. Л.47-об.
 53. АОАГН. Ф.45. Оп.1. Д.2. Лл.22, 22-об., 23.
 54. АОАГН. Ф.45. Оп.1. Д.2. Лл.76, 76-об, 77, 77-об.
 55. АОАГН. Ф.45. Оп.1. Д.2. Лл.26, 26-об., 27.
 56. АОАГН. Ф.45. Оп.1. Д.2. Л.74.
 57. АОАГН. Ф.45. Оп.1. Д.2. Лл.86.
 58. АОАГН. Ф.45. Оп.1. Д.2. Лл.85, 85-об.

References:

1. Spravochnik i putevoditel' po Chernomorskoj gubernii. – Novorossiisk, 1907. S. 233.
2. Brokgauz F.A., Efron I.A. Ukaz. soch. // <http://www.vehi.net/brokgauz/>.
3. Taran, K.V. The Public-Political Movement in the Black Sea Governorate during the First Russian Revolution (1905-1907): Monograph. Banská Bystrica: Matej Bel University, 2014.
4. Shindzhikashvili D.I. Sysknaya politsiya tsarskoi Rossii v period imperializma. Omsk. 1973.
5. Fedorov K.G., Yarmysh A.N. Istoriya politsii dorevoljutsionnoi Rossii. Rostov-na-Donu, 1976.
6. Mulukaev R., Polubinskii V. Skaz o s'yuke // Sovetskaya militsiya. 1990. № 1-12.
7. Zheludkova T.I. Osnovnye napravleniya dlya deyatelnosti politsii dorevoljutsionnoi Rossii po okhrane feodal'nogo i burzhuznogo obshchestvennogo porjadka. M., 1977.
8. Shelkopyas V.A. Politseiskaya reforma v Rossii v 60-kh godakh XIX veka. Minsk, 1981.
9. Anisimov E.V. Dyba i knut. M., 2000.
10. Peregudova Z.I. Politicheskii sysk v Rossii. 1880-1917 gg. M., 2000.
11. Gerasimenko B.D. Ocherki istorii Novorossiiska. Novorossiisk, 2001.
12. Mulukaev R.S. Istoriya politsii dorevoljutsionnoi Rossii. M., 1981.
13. Mulukaev R.S. Sistema organov vnutrennikh del dorevoljutsionnoi Rossii. M., 1978.
14. Mulukaev R.S. Politsiya v Rossii (IKh – nach. KhKh vv). Nizhnii Novgorod. 1993.
15. Sizhkov M.I., Borisov A.V., Skripilev A.E. Istoriya politsii Rossii. M., 1992.
16. Sizhkov M.I., Borisov A.V., Skripilev A.E. Iz istorii podgotovki i vospitaniya kadrov politsii v dorevoljutsionnoi Rossii. Novgorod, 1993.
17. Lur'e F.M. Politseiskie i provokatory. M., 2001.
18. Lur'e F.M. Politsiya i militsiya Rossii: stranitsy istorii. M., 1995.
19. Ocherki istorii organov vnutrennikh del Kubani (1793-1917 gg.) / Pod red. prof. V.N. Ratushnyaka. Krasnodar, 2002.
20. Yanchevskii N.L. Novorossiiskaya i Sochinskaya respubliki v 1905 godu. Rostov n/D., 1926.
21. Yanchevskii N.L. Pyaty god na Severnom Kavkaze. – Rostov n/D, 1930.
22. Semerin P.V. 1905 god na Severnom Kavkaze v istoricheskoi literature. Istoriya proletariata. 1934. № 1.
23. Semerin P.V. Rabochii klass v revolyutsii 1905-1907 gg. v Azovo-Chernomorskom i Severo-Kavkazskikh krayakh. Rostov n/D., 1935.
24. Skibitskii V.A. Geroicheskie gody: Ocherk o revolyutsionnom dvizhenii v Chernomorskoj gubernii v gody pervoi russkoi revolyutsii 1905-1907 gg. Krasnodar, 1956.

25. Skibitskii V.A. Torzhestvo leninskoj praktiki: Bol'sheviki Kubani i Chernomor'ya v bor'be za leninskuyu taktiku v pervoi russkoj revolyutsii. Krasnodar, 1969.
26. Tulumdzhyan A.O. Iz istorii revolyutsionnogo dvizheniya v Sochinskom okruge 1905-1907 godakh. Sukhumi, 1958.
27. Karapetyan L.A. Proletariat i srednie sloi naseleniya Chernomorskoj gubernii v period revolyutsii 1905-1907 gg. Rostov n/D., 1990.
28. Cherkasov A.A., Menkovsky V.I., Ivantsov V.G., Ryabtsev A.A., Molchanova V.S., Natolochnaya O.V. The north black sea region (the 18 th-19 th centuries): a historiographical survey. Bylye gody. Rossiiskii istoricheskii zhurnal. 2014. № 4 (34). S. 536-540.
29. Ocherki istorii Bol'shogo Sochi / Pod obshch. red. V.E. Shchetneva. V 4-kh t. T. 1: 1838–1922 gg. Sochi, 2006.
30. Ocherki istorii Bol'shogo Sochi / Pod obshch. red. V.E. Shchetneva. V 4-kh t. T. 1: 1838–1922 gg. Sochi, 2006.
31. Taran K.V. O prichinakh uchastiya sel'skikh zhitelei Sochinskogo okruga Chernomorskoj gubernii v revolyutsionnom dvizhenii 1905 g. Bylye gody. Chernomorskii istoricheskii zhurnal. 2006. №1. S.21-22.
32. Taran K.V. Krest'yanstvo Chernomorskoj gubernii v nachal'nyi period revolyutsii 1905-1907 gg. Istoriya i istoriki v kontekste vremeni. 2006. № 4. 2006.
33. Taran K.V. Sources related to the social-political movement in the territory of the black sea governorate in 1905-1907 (based on materials from the archive repositories of the Russian Federation). European researcher. 2014. № 10-1 (84). pp. 1747-1751.
34. Taran, K.V. (2014) The everyday life of the mounted police guard force in the territory of the Black Sea Governorate (1901-1909) *Bylye Gody*. (4), 34: 582-585.
35. Polyakova L.G. Reasons behind the asocial conduct of residents of the black sea governorate during world war I. Journal of International Network Center for Fundamental and Applied Research. 2014. № 1 (1). S. 33-41.
36. Arkhivnyi otdel administratsii goroda Novorossiisk (AOAGN). F.45. Op.1. D.2. L.20, l.20-ob, l.21.
37. AOAGN. F.45. Op.1. D.2. L.35.
38. AOAGN. F.45. Op.1. D.2. L.18.
39. AOAGN. F.45. Op.1. D.2. L.35-ob.
40. AOAGN. F.45. Op.1. D.2. L.19.
41. AOAGN. F.45. Op.1. D.2. L.18-ob.
42. AOAGN. F.45. Op.1. D.2. L.35-ob.
43. AOAGN. F.45. Op.1. D.2. L.18-ob.
44. AOAGN. F.45. Op.1. D.2. L.35-ob.
45. <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0549/barom01.php>
46. <http://cyclowiki.org/wiki/>
47. http://www.police-mvd.ru/index.php?catid=1:latest-news&id=103:2012-01-27-03-09-18&Itemid=50&option=com_content&view=article
48. AOAGN. F.45. Op.1. D.2. L.69.
49. "Zubatovshchina" (po familii Sergeya Vasil'evicha Zubatova (1864-1917), vidneishego politseiskogo administratora-novatora Rossiiskoi imperii) – ukorenivsheesya v ves'ma zaideologizirovannoi sovetskoj istoriografii ponyatie, oboznachavshee ne tol'ko sozdanie v nachale KhKh veke sistemy legal'nykh (i podkontrol'nykh Departamentu politicii!) rabochikh organizatsii, no i vnedrenie v kontse XIX veka i posleduyushchuyu praktiku innovatsionnykh dlya otechestvennoi pravookhranitel'noi sistemy togo vremeni tekhnologii i metodik, vklyuchavshikh sozdanie razvetvlennoi agenturnoi seti, formirovanie obshirnykh baz dannykh (kartotek) s podrobnym opisaniem primet (prichem ne tol'ko prestupnikov, no i tak nazyvaemykh "nenadezhnykh" lyudei), konspirirovanie i zashchitu agentov i mn.dr. Novaya skhema raboty politicii okazalas' nastol'ko effektivnoi (v etu skhemu byli vklyucheny i "zubatovskie" rabochie partii), chto v srede revolyutsionerov zarodilos' glukhaya nepriyazn' k lichnosti S.V.Zubatova. Etu "nepriyazn'" postaralis' "sokhranit'" sovetskie zhurnalisty, a vsled za nimi i istoriki, pridav ukazannomu kompleksu zashchitnykh po svoei suti mer negativnyi ottenok i sovershenno ne vziraya na to, chto pravookhranitel'nye organy i gosbezopasnost' SSSR vsetsego ispol'zovali te zhe samye tekhnologii. Na novom tekhnicheskom urovne, no osnovyvasya na prezhnikh, "zubatovskikh" fundamental'nykh printsipakh, oni stol' zhe effektivno rabotayut i v sovremennoi Rossii.
50. AOAGN. F.45. Op.1. D.2. L.162.
51. AOAGN. F.45. Op.1. D.2. L.47.
52. AOAGN. F.45. Op.1. D.2. L.47-ob.
53. AOAGN. F.45. Op.1. D.2. Ll.22, 22-ob., 23.
54. AOAGN. F.45. Op.1. D.2. Ll.76, 76-ob, 77, 77-ob.
55. AOAGN. F.45. Op.1. D.2. Ll.26, 26-ob., 27.
56. AOAGN. F.45. Op.1. D.2. L.74.
57. AOAGN. F.45. Op.1. D.2. Ll.86.
58. AOAGN. F.45. Op.1. D.2. Ll.85, 85-ob.

**Власть и общество:
деятельность Новороссийского сыскного отделения в 1912 г.**

¹ Анвар Мирзахматович Мамадалиев

² Светлана Викторовна Шевелёва

³ Маргарита Николаевна Урда

¹ Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация

Лаборатория мировых цивилизаций

E-mail: anvarm@mail.ru

² Юго-западный государственный университет, Российская Федерация

305040 Курская область г. Курск, ул. 50-лет Октября, 94

Кандидат юридических наук, доцент

E-mail:ssh46@rambler.ru

³ Юго-западный государственный университет, Российская Федерация

305040 Курская область г. Курск, ул. 50-лет Октября, 94

Кандидат юридических наук, доцент

E-mail:urda.ru@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию взаимоотношений властных структур в лице правоохранительных органов и общества на территории Черноморской губернии в 1912 году через анализ деятельности Новороссийского сыскного отделения. В работе изучаются донесения, предписания, рапорты сотрудников и другие документы сыскного отделения полиции г. Новороссийск, на основе чего делается вывод об общей атмосфере взаимоотношений власти и общества в указанный период. Большинство из используемых источников публикуется впервые. В заключение автор приходит к выводу, что организация сыскного дела в г. Новороссийске была тщательно спланирована и подготовлена, а также достаточно оперативно воплощена в практику. Даже после недавних революционных событий (1905–1907 гг.) нет письменных свидетельств о том, что общество в 1912 г. воспринимало сотрудников охраны правопорядка негативно. Вместе с тем, власть вполне обоснованно опасалась повторения общественных всплесков, что отчетливо выражается в исторических источниках.

Ключевые слова: Черноморская губерния, деятельность уголовного розыска в дореволюционный период, 1912 год, Новороссийское сыскное отделение, взаимоотношения власти и общества.